

Несформированность адекватных лексико-семантических связей, речевая небрежность, отсутствие ответственности за произнесенное или написанное слово, к сожалению, очень часто наблюдаются в процессе общения – как в устной, так и в письменной речи. Очевидно, что несформированность лексико-семантических связей в обиходной речи мешает выполнению лингвистических обязательств и ведет к многочисленным коммуникативным неудачам как при продуцировании, так и при восприятии речи, небрежное же использование агнонимичной лексики в процессе общения способствует формированию устойчивого рефлекса «речевой вседозволенности».

Литература.

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М., 1997. С. 25–29.
2. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997. С. 26–31.
3. Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980. С. 47–53.
4. Бердичевский А. Л. Содержание обучения иностранному языку на основе базовой культуры личности // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 17–20.
5. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы психологии. 1977. № 4. С. 95–101.
6. Быкова Г. В. Лакуны в языковой картине мира амурчан // Лакуны в языке и речи: сб. научных трудов. Благовещенск, 2005. Вып. 2. С. 25–31.

7. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 40–62.

8. Томашева И. В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны // Язык и эмоции. Волгоград, 1995. С. 1–21.

References

1. Vorob'ev V. V. Lingvocul'turologia: Teoria i metody [Linguoculturology: Theory and methods]. M., 1997. S. 25–29.
2. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. Rysskie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem) [Russian agnonyms (words which we don't know)] M., 1997. S. 26–31.
3. Bogin G. I. Sovremennaya lingvodidaktika [Modern Linguodidactics]. Kalinin, 1980. S. 47–53.
4. Berdichevsky A. L. Soderzhanie obucheniya inostrannomy yazyky na osnove bazovoi cult'tury lichnosti [Matter of teaching foreign languages at school] // Inostrannye yazyki v shkole. 2004. № 2. S. 17–20.
5. Gal'perin S. Ya. Yazykovoe soznanie i nekotorye voprosy vzaimootnoschenia yazyka i myshlenia [Linguistic consciousness and some issues of interaction of language and thinking] // Voprosy psihologii. 1977. № 4. S. 95–101.
6. Bykova G. V. Lakuny v yazykovoii kartine mira amurchan // Lakuny v yazyke i rechi: sb. nauch. tr. [Lacunas in the Amur citizens' linguistic picture of world // Lacunas in language and speech: collected scientific papers]. Blagoveshchensk, 2005. Part 2. S. 25–31.
7. Grushevskaya T. G., Popkov V. D., Sadohin A. S. Osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsiy [The bases of intercultural communication]. M., 2003. S. 40–62.
8. Tomasheva I. V. Ponyatie «lacuna» v sovremennoy lingvistike. Emotivnye lakuny [The notion of «Lacuna» in modern linguistics. Emotive lacunas] // Yazyk i emotsiy. Volgograd, 1995. S. 1–21.

УДК 800

Л. Ю. БУЯНОВА,

доктор филологических наук,
профессор Кубанского
государственного университета

Л. Н. НИКИТИНА,

соискатель Кубанского
государственного университета

ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НОМИНАЦИИ

(На примере произведений А. И. Солженицына)

В статье рассматривается специфика художественной номинации в прозе А. И. Солженицына, особенности лингвокреативного процесса языковой объективации личностных смыслов автора текста. Художественный текст в этом плане интерпретируется как такое индивидуально-авторское семиотическое пространство, в рамках которого репрезентируется специфический семиотический код писателя, его личностная концептосфера и весь художественный мир.

Ключевые слова: номинация, окказионализация, языковое сознание, семиотический код, эмотивность.

UDK 800

L. YU. BUYANOVA,doctor of Philological sciences,
professor of Kuban State University**L. N. NIKITINA,**

applicant of Kuban State University

**REFLECTION OF THE INNER WORLD OF THE INDIVIDUAL FEATURES
OF ARTISTIC LANGUAGE CATEGORY***(On example of A. I. Solzhenitsyn works)*

Article deals with the specificity of the fiction nomination of A. I. Solzhenitsyn's prose and shows its peculiarity as a linguistic and creative process of the language objectivization of the author's personal meanings. In this case the fiction is interpreted as individual-author's semiotic space in the context of which we can represent the author's specific semiotic code, his personal conceptual sphere and the whole fiction world.

Key words: nomination, occasionalization, linguistic consciousness, semiotic code, emotiveness, emotiogenic, anthroponominee.

Художественная номинация представляет собой лингвокреативный процесс объективации личностных смыслов автора текста через систему особых номенов-маркеров, креативный процесс семиотизации авторской картины мира различными языковыми средствами. Художественный текст как особый лингвокогнитивный и эмоционально-прагматический феномен уже давно и активно исследуется в лингвистике, когнитивистике, семиотике и других гуманитарных направлениях, однако до сих пор не до конца выявлены потенциал и роль языкового сознания автора-творца текста, его специфический семиотический код, личностная концептосфера – словом, все то, что определяет уникальность, неповторимость и этико-эстетическую ценность художественного текста как явления культуры, как суперзнака автора [1].

Номинант как знак личностной концептосферы автора является специфическим материальным носителем, представляющим некую другую сущность; понятие сущности в этом контексте коррелирует с ассоциацией, символом, образом, смыслом, концептом, идеей, архетипом. Семиотика художественного текста во многом обуславливается ментальностью и индивидуально-личностными языковыми особенностями творца текста, который сам выступает суперзнаком авторского «Я» [2].

Номинанты человека, являясь лингвопсихологическими маркерами отношения автора к герою (героям), в тексте выполняют функцию репрезентации АЯКМ или ее фрагмента. Е.С. Кубрякова отмечает, что уникальность любой языковой картины мира заключается в том, что она «создается в ходе номинативной деятельности», вследствие чего «характер соотношения концептуальной и языковой систем лучше всего изучать, исследуя саму эту деятельность и <...> реальные средства и приемы номинации, и национальный и культурный колорит происходящего, и, наконец, причины, мотивы и интенции говорящих» [выделено нами. – Л. Б., Л. Н.] [3].

Есть все основания признать, что лексическая система А. Солженицына, как она представлена в его творческом дискурсе, может рассматриваться

как специфически измененная смысловая система лексики современного писателю поэтического и общелитературного языка, обусловленная эстетической и мировоззренческой установкой художника слова. В этой осложненной требованиями жанра и сюжета, многоаспектной и динамичной системе номинации человека и обращения (как тип «персонажной» номинации) занимают одну из ключевых позиций и служат средством отражения АЯКМ писателя. Антропономинанты и обращения выступают в индивидуально-авторской картине мира А. Солженицына своеобразными индикаторами социальных и межличностных отношений, в совокупности являя общую (обобщенную) картину человеческих взаимоотношений и взаимосвязей в обществе. Концептуально-дискурсивным пространством актуализации номинаций человека и обращений выступает в творчестве писателя персонажная речь.

«Мы говорим о русской ментальности как о глубинном корне народной жизни – содержании, которое постоянно ищет новых форм, второпях захватывает чужие, не органичные для нее, ошибаясь и раскаиваясь» [4]. Для художественного дискурса А. И. Солженицына характерна такая особенность, которую подметила А. Вежицкая, исследуя роль ключевых слов в понимании культур: «В целом ряде русских слов и выражений отражается тенденция осуждать других людей в своей речи, высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями, так же, как и акцент на “абсолютном” и “высших ценностях” в культуре в целом (ср. Wierzbicka 1992b)» [5]. В семиотике художественного мира А.И. Солженицына объективируются как традиционные для русской культуры ключевые концепты жизни и смерти; свободы и воли; войны и мира; греха и покаяния; страдания и радости; так и контрарные эксклюзивно-авторские – концепты лагеря и храма; арестанта и надзирателя; позора и почета; старости и молодости; молитвы и проклятия; колокола и молчания; подвига и предательства; мужчины и женщины; москвичей и провинциалов; Бога и человека; государства и личности и др.

Уникальность авторского языкового сознания, представленная в семиотическом коде писателя, заключается как в морфемных структурах слова, в специфичности значений, реализующихся в составе производного слова, во взаимоотношениях частей речи в словообразовании, в иерархии семантических компонентов в составе лексического значения слова, – так и в синтаксическом рисунке текста, в прагматике художественной речи, в концептном «каркасе» авторского художественного мира в целом [6].

По нашим наблюдениям, в центре индивидуально-авторской духовно-православной концептосферы А. И. Солженицына как творца текста, который в свою очередь является суперзнаком автора, находится понятие «нравственность», выступающее в его художественном дискурсе авторской этноментальной константой, которая объективируется посредством соотносящихся с ним понятий любви, веры, смирения, терпения, добра, истины, чести, совести, совестливости и др.: «У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей» (с. 21); знаком же нечистой совести, бессовестности выступает «жестокое лицо» тракториста: «Самодовольный, с жестоким лицом вышел тракторист» (С. 34) [здесь и далее выделено нами. – Л.Б., Л.Н.] [7]. Вообще в творческой и семиотической системе А.И. Солженицына лицо как знак совести можно считать авторским концептом, как, например, в рассказе «Матренин двор»: «...и голова охвачена белым платком, – а лицо осталось целехонькое, спокойное, больше живое, чем мертвое» (с. 58) (ср. «со спокойной совестью», «с чистой совестью»).

В семиотическом пространстве А. И. Солженицына четко прослеживается противопоставленность этико-философских, религиозных понятий: жизнь – смерть и душа – тело. С понятием жизни сопряжен концепт «Душа»; с понятием тела – «Смерть». В авторской ассоциативно-вербальной сети душа как проявление жизни, как живая, вечная сущность соотносится с понятиями тепла, света, чистоты, пространства, труда, покоя, свободы: «И отпущено каждому живущему только: свой труд – и своя душа» (с. 94).

Номинационно-семиотический код А. И. Солженицына в большой степени сформирован религиозно-православным мировоззрением, языковыми маркерами которого выступают как лексико-семантические образования различного функционального статуса, так и глубинные символично-смысловые структуры, концептуальные доминанты, важнейшими из которых можно считать «Жизнь» и «Смерть»: «И – ничего больше мы не узнаем, пока живы. Но молитва за души их – перекидывает от нас к ним, от них к нам – неосязаемую арку – вселенского размаха, в непрегражденной близости» (с. 128).

Языковое «кружево» художественного пространства А. И. Солженицына сплетено из таких знаков различной структурной сложности, которые актуализируют и вербализуют категорию

духовности, выступающую специфической категорией мышления и бытия. Смысловое пространство дискурса писателя организовано взаимокоординацией вербально-категориальных полей бытия, жизни, смерти, духовности, Бога. В русском языке и в других языках славянского происхождения, относящихся к индоевропейской группе, слово «Бог», как считают многие ученые, родственно санскритскому bhaga, что значит 'одаряющий', 'наделяющий', в свою очередь происходящему от bhagas – 'достояние', 'счастье'. «Бог есть любовь», – говорит святой апостол Иоанн Богослов [8]. По Солженицыну, земное и духовное бытие человека, его жизнь и смерть напрямую связаны с божественной волей, поэтому никто и ничто не в силах разрушить божественный замысел и предначертанность судьбы. Но в художественном мире автора отражена катастрофическая, по его мысли, для России и будущих поколений ситуация безверия, бездуховности, безбожия: «право не верить в Бога ограждено конституцией» (с. 267).

Эксклюзивными семиотическими маркерами авторского языкового сознания в художественном тексте А. И. Солженицына выступают единицы религиозно-православного лексического фонда, конфессионимы [термин наш. – Л. Б.], с помощью которых автор старается воссоздать и запечатлеть в первозданной чистоте и правильности облик уже изменившейся России, «кондовой России». Так, только в одном рассказе, «Матренин двор», функционирует следующая религиозно-православная лексика: Бог, Господь; поп, дьякон, праведник, монашенка, покойная, усопшая; всенощная, водосвятие, поминки; церковь, маковка, купол, лампадка, псалтырь, образа, иконка Николая Угодника, святой (угол), святая вода; молиться, повенчаться, перекреститься, отпевать; душа, мольба, надежда, грехи; Крещение, Покров, Петров день. Все целостное текстовое художественное пространство автора так же насыщено этой лексикой, единицы которой в систематизированном виде выступают знаками той православной России, которой, по убеждению А. И. Солженицына и к его горькому сожалению, уже нет.

В целом анализ художественной номинации в языке прозы А. И. Солженицына показывает, что вся его индивидуально-авторская семиотическая система может интерпретироваться как суперзнак самой России православной, потому что авторское «Я» неотделимо от нее, является ее производным: «Но и в этой запусте у покинутых тут, обманутых людей нет другого выбора, как жить. И жить – здесь. И для них тут, и для всех, кто однажды увидел это диво: ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...» (с. 96).

Особенностью художественной номинации в языке прозы А. И. Солженицына является окказионализация имен прилагательных, в результате которой текст насыщается сложными прилагательными особой семантической окраски: сиволобий, дремучемордый, шароголовый, шерстоволосый,

зеленохохлый, жгутоусый, бочкотелый, бочкогрудый, крутоплечий; черно-огненная (надежда), ладанно-сизый (дух), огненно-дымная (страсть), надменно-глупая (рожа) и др. Эмоциогенность и эмотивность таких номинаций, их яркая образность отражают и передают эмоциональную сферу авторского языкового сознания, помогают понять авторскую интенцию.

Следует согласиться с мнением исследователей о том, что «в окказиональных сложных прилагательных А. И. Солженицына, построенных в основном по продуктивным языковым моделям или по аналогии с моделями, имеющимися в языке, отражаются как основные тенденции русского словообразования, так и реализация словообразовательного потенциала писателя как языковой личности» [9].

Литература

1. Буянова Л. Ю. Текст как ментально-когнитивный конструкт: специфика вербализации и типология системообразующих структур знания // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: сб. науч. тр. Симферополь, 2010. С. 6–9.
2. Буянова Л. Ю., Щибря О. Ю. Художественный текст в системе координат языкового сознания автора: когнитивный аспект // В мире научных открытий. 2012. № 11.5 (35). С. 100–122.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М., 2004. С. 64.
4. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 3.
5. Везжицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 266.
6. Буянова Л. Ю., Щибря О. Ю. Художественный текст в системе координат языкового сознания автора: когнитивный аспект // В мире научных открытий. 2012. № 11.5 (35). С. 100–122.
7. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М., 1999. Здесь и далее произведения цитируются по этому источнику, в круглых скобках указывается номер страницы.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Российское библейское общество. М., 2002. С. 45.
9. Горовая И. Г. Авторские окказионализмы в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» / «Август четырнадцатого» (на материале сложных прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 6.

References

1. Buyanova L. Yu. Text kak mental'no-cognitivnyy konstrukt: spetsifika verbalizatsiy i sistemoobrazuyuschikh struktur znaniya [Text as a mental-cognitive construct: the specificity of the verbalization and backbone structures of knowledge] // Semantika i pragmatika yazykovykh yedinit v synkhroniy i diakhroniy: sb. nauch. tr. Simferopol', 2010. P. 6–9.
2. Buyanova L. Yu., Shchibrya O. Yu. Khudozhestvennyy tekst v sisteme koordinat yazykovogo soznaniya avtora: kognitivnyi aspekt [Fiction in the frame of an author's linguistic consciousness: cognitive aspect] // V mire nauchnykh otkrytiy. 2012. № 11.5 (35). P.100–122.
3. Kubryakova Ye.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke [Language and knowledge: heading toward the knowledge about language]. M., 2004. P. 64.
4. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. SPb., 2006. P. 3.
5. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov [Semantic problem of universals and definition of languages]. M., 1999. P. 266.
6. Buyanova L. Yu., Shchibrya O. Yu. Khudozhestvennyy tekst v sisteme koordinat yazykovogo soznaniya avtora: kognitivnyi aspekt [Fiction in the frame of an author's linguistic consciousness: cognitive aspect] // V mire nauchnykh otkrytiy. 2012. № 11.5 (35). P.100–122.
7. Solzhenitsyn A. I. Sbranie sochineniy: v 9 t. T. 1 [Collected works: in 9 vol. Vol. 1]. M., 1999. Zdes' i dalee proizvedeniya tsitiruyutsya po etomu istochniku, v kruglykh skobkakh ukazyvaetsya nomer stranitsy [Here and after works are cited from this quarry, the page number is given in round brackets].
8. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [The books of the Holy Writ of Old and New Testament]. Rossiyskoe bibleiskoe obshchestvo. M., 2002. S. 45.
9. Gorovaya I. G. Avtorskie okkazionalizmy v romane A. I. Solzhenitsyna «Krasnoe koleso» / «Avgust chetyrnadtsatogo» (na materiale slozhnykh prilagatel'nykh) [The author's nonce words in A.I. Solzhenitsyn's novel «The Red Wheel» / «August 1914» (on the material of compound adjectives)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2009. S. 6.